

**Митрополит
Антоний Сурожский**

**Биография
в свидетельствах
современников**

**Митрополит Антоний
Сурожский. Биография в
свидетельствах современников**

«Никея»

2015

УДК 242
ББК 86.372

Митрополит Антоний Сурожский. Биография в свидетельствах современников / «Никея», 2015

Книга воспоминаний о выдающемся русском иерархе митрополите Сурожском Антонии (Блуме, 1914–2003) представляет собой подборку уникальных материалов, никогда ранее не появлявшихся в печати. Это и интервью владыки, данное им режиссеру В. Васильеву в 1999 году в Лондоне, и статьи-интервью, специально собранные для данной книги.

УДК 242
ББК 86.372

, 2015
© Никея, 2015

Содержание

Вступление	5
Первая встреча с владыкой Антонием	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Митрополит Антоний Сурожский. Биография в свидетельствах современников Составитель Е. С. Тугаринов

*Допущено к распространению Издательским советом Русской
Православной Церкви ИСП15-501-0030*

Вступление

*Мы только на пути к тому, чтобы стать людьми, человеками.
И каждый должен находить свой путь. Это очень важно, потому что
невозможно взять лист бумаги и написать на этом листе все то, что
от нас ожидает, не требует Господь. Потому что не каждый способен
выполнить всего и не каждый призван ко всему, что указано в Евангелии.
Один призван к браку, другой – к безбрачию. Один призван к слову, другой
– к молчанию. Святой Серафим Саровский говорит, что для того, чтобы
жить духовно, чтобы вырасти в настоящую меру человека, – каждый
человек должен выбирать то, что ему приносит прибыль.
Митрополит Сурожский Антоний*

*В добрый час!
М.А.*

Владыка Антоний – это имя для миллионов людей в православном мире значит чрезвычайно много. Как получилось, что человек, живший среди нас, наш старший современник, находившийся вдали от своей родины, России, но постоянно думающий о ней и молящийся за нее, этот человек смог сказать то, что отозвалось в сердцах миллионов людей во всем православном мире чем-то своим, родным, понятным и дорогим? Не чудо ли Божие проявилось в этом? Не Слово ли Господне послало на землю такого священника, друга и наставника многих?

Митрополит Антоний! Что нового можно сказать о нем? Особенно после того, что он сам сказал о себе, о своей вере, о своем понимании молитвы, красоты и смысла человеческой жизни, о нахождении пути к Богу, который у каждого свой?

Сказать новое после самого владыки действительно трудно. Трудно что-нибудь сказать и после написанного о нем людьми, которые знали его долгие годы, были рядом с ним в храме или приезжали специально в Лондон, исповедовались у него, слушали его беседы и постовые говения, наконец, обладали (и обладают) даром литературного слова, обобщения, даром видения другого человека. Но попробуем сказать и что-то свое малое. Встав на путь, да не сходи с него! Так говорит народная мудрость.

Могила владыки Антония входит в число пятидесяти известных захоронений на старом Бромптонском кладбище, которые внесены в категорию почетных. Теперь она приобрела вид гранитного памятника кубической формы с возвышающимся православным крестом. Памятник был сооружен сравнительно недавно – по решению родных владыки и просьбам прихожан лондонского собора. До этого могилу митрополита Антония отмечал только деревянный крест, на котором была прикреплена маленькая дощечка с надписью о том, что здесь покоится митрополит Сурожский Антоний. Надпись была сделана по-английски, мелким шрифтом, имела неверную дату смерти владыки. Понятно, что крест и надпись были временными, но это время растянулось на шесть лет. И было обидно и грустно видеть удивленные лица русских паломников со всего света, которые стремились к этой могиле, видеть, как они наклоняются к самому кресту не только для молитвенного почитания, но пытаясь разобрать неразборчивую надпись. Наверное, сам владыка Антоний улыбнулся бы и не придавал этому никакого значения.

Многие годы митрополит Антоний жил рядом с двумя самыми близкими ему людьми – мамой и бабушкой. Когда они ушли друг за другом в течение одного года, он выразил свое твердое желание, чтобы его положили в ту же могилу. Так и случилось. 13 августа 2003 года деревянный гроб с телом владыки при громадном стечении народа был опущен в ту же могилу, куда ранее похоронили его близких. Теперь всякий пришедший может прочитать надписи, которые размещены на всех сторонах гранитного куба, о том, кто покоится в этом захоронении.

По материнской линии владыка Антоний происходил из рода Скрябиных. Его мать, Ксения Блум, приходилась сестрой великому русскому композитору Александру Скрябину, о котором владыка предпочитал не говорить с окружающими. Я хорошо помню, как еще в 2001 году сразу после приезда в Лондон, желая продемонстрировать владыке свои познания в его родословии, упомянул имя его дяди. Митрополит Антоний довольно строго взглянул на меня, согласился с моими словами и просил больше этого ему не напоминать. Почему его реакция была столь категоричной? Любой другой человек только подчеркивал бы свое родство со знаменитостью. Но владыка думал иначе.

Композитор А. Н. Скрябин (1872–1915) был музыкальным гением России. Он создал непреходящие шедевры русской музыки, которые являются достоянием мировой музыкальной культуры. Но последние годы своей жизни Скрябин искал лишь одному ему ведомые пути ко Творцу. В какой-то миг он почувствовал, что «Творец»-это он сам. Скрябин начал сочинять музыку, соединяя ее со светом, для чего писал отдельную световую партитуру. С музыкально-драматургической точки зрения-это новаторство, прорыв, гениальное откровение, но для композитора это было больше, чем только музыкальное явление. Он задумал грандиозное сочинение-вселенскую мистерию, соединяющую звуки, слова, свет, космические стихии, – мистерию, которая должна была превзойти творения апологетов сверхчеловечества: Вагнера, Штрауса, Ницше. Скрябин вообразил себя дерзновенным ниспровергателем и гордо устремился к мировому музыкально-философскому, «богословскому» Олимпу. Он чувствовал в себе потенциал

музыкального, богословствующего философа. Неожиданная смерть от заражения крови в сорок три года оборвала этот самонадеянный путь.

У композитора был гениальный сын Юлий, который также сочинял музыку. Его ранние произведения напоминали позднего композитора-отца. Со временем Юлий мог его и превзойти. Музыкальные авторитеты прочили Юлию мировую известность, успех и славу, но... в подростковом возрасте гениальный сын Александра Скрябина утонул в водах Днепра. Кто-то скажет-рок, судьба, кто-то-есть пределы человеческой гордыне. Все жизненные начала в руках Божиих, этого никогда и никому не стоит забывать. Знал ли владыка Антоний об этих фактах музыкальной жизни своих родных? Вероятно, да, и резкость, с которой он оборвал начатый было мною разговор, говорила о том, что жизнь и творчество А.Н. Скрябина ему были известны и оставили в его душе неприятный осадок.

По отцу-дипломату владыка Антоний имел шотландские корни. Его предки еще в начале XIX века приехали и осели в России, верно ей служили и добились общественного и имущественного положения. Будущий владыка (Андрей Борисович Блум) родился в Лозанне в 1914 году, за два месяца до начала мировой войны. Его отец, дипломат русской миссии в нейтральной Швейцарии, с началом военных действий в Европе должен был забрать семью и вернуться в Россию. После нескольких лет жизни на родине семья начала скитания, вызванные революцией и Гражданской войной. Блумы разделили эмигрантскую судьбу сотен тысяч русских семей, которые были выброшены из страны новой властью. Как замечал С. С. Аверинцев, «в митрополите Антонии остро ощущается масштаб того мира, из которого он пришел к нам: героической поры первой русской эмиграции»¹.

Россия на долгие годы стала для Андрея Блума лишь мечтой, горячей и непрекращающейся молитвой о желаемой и далекой родине. Местом жизни поначалу была Франция, открывшая свои границы спасающимся от врага русским изгоям. Новая страна дала приют и защиту миллионам, но предоставила всем заботиться о себе самостоятельно, не надеясь на государственную помощь. Чтобы выжить, русское дворянство распродало свои фамильные драгоценности, всем миром, в складчину, строили новые храмы, из общей копилки поддерживали особо бедствующих соплеменников-эмигрантов, заботились о детях, об их обучении и всегда думали о возвращении в Россию.

Для будущего владыки Антония Франция стала домом, где он учился в русской школе, затем в университете Сорбонны. Он стал врачом, учителем в гимназии.

¹ Аверинцев С. С. По ту сторону «традиционализма» и «либерализма»//Континент. 1996. № 1 (87).

Командиры летнего скаутского лагеря. Крайний справа – Андрей Блум

Ученицей Андрея Борисовича Блума в русской гимназии в Париже была Татьяна Николаевна Прокош, живущая много лет в Лондоне. Она мне немало рассказывала о своем гимназическом молодом учителе Андрее Блуме, который преподавал ей историю. Он не был строгим учителем, наоборот, родители учеников просили его быть к ним строже. Как узнала потом Т. Н. Прокош, Андрей Блум не сильно разбирался в предмете, который преподавал, и поэтому готовился к предстоящему уроку всю ночь накануне.

Учитель и ученица жили неподалеку друг от друга, ходили в одну церковь, были членами одного прихода. Когда Татьяне исполнилось пятнадцать лет, она стала петь в церковном приходском хоре, где пел и будущий владыка Антоний. В ту же церковь, которая начиналась трудами епископа Вениамина (Федченкова), ходил философ В. Н. Лосский, иконограф и иконописец Л. А. Успенский, монах Григорий (Круг) и некоторые другие, совсем немногие из русских эмигрантов, которые решили не рвать отношения с Московской Церковью, а отвергая большевизм, осуждая разбой, варварство и гонения на Церковь в Советской России, своим поведением, своей жизнью показывали действительное родство с Матерью-Церковью в Духе, в самой сути своей православной веры. Эта была та верность, о которой владыка Антоний многократно говорил всю оставшуюся жизнь. Эта верность давала силы жить и бороться за Родину молитвой, словом, примером жизни.

Андрей Блум был активным прихожанином Трехсвятительского подворья в Париже². Он тайно принес монашеские обеты, после чего его жизнь еще более сконцентрировалась на Церкви, на помощи людям, на личной жертве, поэтому, когда в Париж пришли немцы, будущий владыка Антоний стал участником Сопротивления, рисковал жизнью, лечил людей, прятал и спасал евреев от преследования гестапо.

Пожалуй, самым верным будет сказать о владыке Антонии что-нибудь личное, пусть небольшое, но то, что прямо коснулось моей жизни и жизни моей семьи. В Лондон я приехал по личному приглашению митрополита Антония. Мне известно, что владыка сам хлопотал обо мне, корректировал тексты писем, следил, как продвигается дело с визой, звонил чиновникам

² Трехсвятительское подворье в Париже – кафедральный храм трех вселенских святителей (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста) и святителя Тихона Задонского, Корсунская епархия РПЦ. Приход основан в 1931 г. митрополитом Вениамином (Федченковым) и небольшой группой прихожан-эмигрантов, оставшихся в юрисдикции Московского Патриархата после массового перехода русских приходов Западной Европы в Константинопольский Патриархат.

эмиграционной службы. В нашей семье хранится переписка, которую вел собор с Министерством внутренних дел Великобритании о том, чтобы мне дали многолетнюю визу с разрешением на работу. Все эти бумаги были подписаны владыкой, а некоторые составлены им лично. Приехав в Англию работать, я волею судьбы оказался служащим с ним в одном храме, сопровождая его молитву в алтаре пением церковного митрополичьего хора на клиросе.

Начиная с января 1998 года у нас было с ним несколько продолжительных встреч, несколько раз я исповедовался у него, постоянно бывал на его четверговых беседах и постовых говениях. Но о первой встрече с владыкой мне хотелось бы рассказать особо. Быть может, читатель найдет в этом рассказе и что-то знакомое ему, похожее на его личный опыт встречи со святостью, которая изначально заложена в каждом из нас, но которую умеют взрастить и удержать в себе лишь немногие.

«Мы все призваны к святости, к царственной святости, но не все из нас святые», – как-то услышал я слова старого священника, которые глубоко запали мне в сердце. Владыка Антоний был одним из них, одним из немногих, на ком лежала видимая печать Духа Святого, печать благодати Божией. По слову преподобного Серафима Саровского, он спасался сам – и рядом с ним было тепло многим. Видя его жизнь, многим хотелось идти вслед.

Он не скрывал свои немощи, он любил пошутить над ними, а иногда владыка беспощадно и без рисовки мог говорить о себе. Протоиерей Иоанн Ли вспоминает: «Однажды, когда я на него за что-то рассердился, владыка сказал мне: „Джон, ты деревенский мальчик, ты знаешь, что из навоза может вырасти добрый плод, – так и думай обо мне"»³.

В митрополите Антонии была удивительная сила притягивать к себе людей, сила, которую даровал ему Господь ради всех нас, ради тех, кто знал его, и тех, кто только читал его книги. Много из того, что сказал владыка, люди воспринимали как адресованное лично им. Во всех его поступках чувствовалась громадная личная ответственность. Для меня это есть самое очевидное свидетельство благодати, столь обильно разлитой в сердце владыки, потому что его внимание и сосредоточенность на проблемах каждого стоящего перед ним человека не были просто вниманием, которое само по себе довольно редкое явление в общении современных людей, но это была его постоянная молитва о человеке. В этот момент владыка был видимым и ощущаемым духовным мостом между миром земным и миром небесным. Ему были открыты пути Господни в ту меру, в которую он сам мог их вместить. Как оказалось, мера эта значительно превосходила меру обычного человека.

Некоторые из близких ему людей знали, что за несколько месяцев до кончины владыке Антонию был открыт день его перехода в жизнь вечную. Он не верил снам, но один из них был воспринят им как вещий, пророческий. «Мне приснилась бабушка, – вспоминал владыка, – которая сидела рядом и листала календарь. Страницы календаря сменяли друг друга, бабушка как будто хотела мне что-то дать понять. Она остановилась на июне следующего года, месяце моего рождения, и стала листать медленнее, уже как бы по дням. Я запомнил последнюю дату — 4 августа 2003 г. Сон прошел, видение кончилось, но я понял, что в этот день я умру».

Эту историю о сне владыки я услышал от протоиерея Иоанна Ли, человека, который находился рядом с ним последний год его жизни. Отец Иоанн был когда-то медбратом, и получилось как бы само собой, что в период болезни владыки Антония он практически ежедневно был рядом, помогал, советовал. Отец Иоанн был и при последних днях, часах и даже минутах земной жизни митрополита Антония, он облачал его перед положением во гроб. Он знал многое такое, что знать больше никто не может.

Не дерзая сказать что-то совсем особое и новое, тем не менее, беру на себя смелость поделиться памятью сердца, тем драгоценным и дорогим, что, раз попав внутрь тебя, остается с

³ Ли К, прот. Добрый плод // О митрополите Сурожском Антонии: Сборник материалов к 10-летию со дня преставления. Издание Сурожской епархии. С. 17.

тобой навечно, на все время твоего собственного земного пути. Эта сердечная память помогает идти по жизни, помогает ориентироваться в ней, соотносить малое с большим, пустое и суетное со значительным и важным, помогает встречать людей, находить друзей и удерживать себя от греха. Память слов и дел владыки Антония, чему я был свидетелем и которую бережно храню в уме и сердце, дает мне право считать себя его учеником, признавая за этим не земной пьедестал тщеславия, а личную малую Голгофу, т. е. ответственность, жертву, верность и стремление к обретению Христовой любви. «Стремись к любви, ищи только ее. Лишь она одна будет тебе пропуском в Царство Небесное, – сказал мне однажды владыка Антоний, – потому как там нет ничего, кроме любви и радости вечной жизни с Богом Христом».

Первая встреча с владыкой Антонием Лондон, январь 1998 года

Восьмое января 1998 года я хорошо запомнил не только потому, что именно на этот день был взят билет Москва – Лондон, но и потому, что в этот день в Москве отпевали и хоронили Георгия Свиридова. Сколько было сожаления по поводу того, что из-за поездки в Англию у меня не было возможности быть на отпевании великого русского композитора и патриота, но что я мог сделать?

...Утро 8 января, аэропорт Шереметьево, самолет «Аэрофлота» Ил-86, который в тот день так и не смог взлететь. Рейс переносили, пассажиров томили новыми сроками, не разрешая покинуть зону вылета. Наконец вечером в очередной раз было объявлено, что злополучный рейс переносится на завтра, российских пассажиров отправляют на ночлег в ближайший новотель, а всех транзитных пассажиров оставляют спать на мраморном полу в зале ожидания. День был потерян, похороны Свиридова пропущены, но Англия – встреча с новой страной – откладывалась всего лишь на день.

В Англии мне предстояла нелегкая, но хорошо знакомая практическая хормейстерская работа с митрополичьим хором, которым с середины 1960-х годов руководил протоиерей Михаил Фортунато. Хор в то время более чем наполовину состоял из англичан, людей немолодых, не профессионалов, а настоящих любителей церковного пения. Регент хора протоиерей Михаил не раз повторял, что *любитель* (пения, живописи, изобретательства) происходит от слова *любить*. Только в этом значении он воспринимал певчих своего клироса, многие из которых из любви к русскому церковному пению и богослужению стали православными, учили церковнославянский и русский языки и большую часть своей жизни посвятили лондонскому собору и митрополичьему хору. Их привлек человек, которого я бесконечно и искренно уважал и который был хорошо известен в певческом мире Западной Европы, Америки и России. Отец Михаил Фортунато почти сорок лет руководил хором собора, и, приглашая меня в Лондон, он рассчитывал на меня как на специалиста-хормейстера, знакомого с технической стороной работы.

Первая встреча с хором, репетиция, или, как говорят в церковной среде, спевка, предстояла в ближайшее воскресенье после Божественной литургии. Но никто не знал, что спевка эта совершенно расстроится для меня и причиной тому станет встреча с митрополитом Сурожским Антонием. Душевное напряжение этой встречи, но, главное, последующая моя реакция на нее была столь сильной в эмоциональном отношении, что она до сих пор памятна мне во всех деталях и подробностях.

Еще в России я почувствовал, какой отклик в знакомых и друзьях производила весть о предстоящей поездке в Англию.

– Смотри на его руки. Они у него удивительные, говорящие, – сказал мне один знакомый священник.

– Слушай, как он говорит. Впитывай и запоминай каждое его слово, – говорил мне близкий друг.

– Смотри в его глаза. В них ты увидишь образ Христов, – наставлял третий знакомый.

– Читай его книги, подготовь вопросы, – предупреждал четвертый.

По правде говоря, из сказанного владыкой и опубликованного в самиздатовских книгах и эмигрантских журналах 1980-х годов мне было известно немного. Я не присутствовал на полуофициальных встречах с владыкой на московских квартирах, не ездил в Лавру на его выступления перед учащимися духовных школ. Все это могло бы быть, будь я крещен. Приход в Церковь состоялся позже, и мое воцерковление шло медленно, тяжело, как это иногда случа-

ется с новоначальными служителями искусства. Да, владыка Антоний был нашим современником, он служил, он жил среди нас, но при этом был где-то далеко, за морем, почти в ином недоступном мире, во всяком случае для большинства россиян 1990-х.

...Девятое января 1998 года, лондонский аэропорт Хитроу. Температура на улице +14 °С, яркое, не зимнее солнце, голубое безоблачное небо, зеленая английская трава, шагающие улыбающиеся люди в майках. Меня встретил отец Михаил, немного волнующийся за нашу общую работу, за то, какое впечатление произведет на меня Англия. Мы ехали к нему домой на запад Лондона по дороге с романтическим названием М4. По-старому она звучит куда интереснее – Грейт-Вестерн-Роуд. Названа так еще римлянами, оставившими после себя много достопримечательностей, сохранившихся до сих пор: следы древней мощеной дороги, старые полу-развалившиеся виадуки и крепости, поселения, ставшие со временем английскими городами, в том числе знаменитые бани – система строений банно-развлекательного характера и назначения, несколько бассейнов с минеральной целебной водой с постоянной температурой в 42 °С и многое другое. Мимо проносился придорожный ландшафт, зеленый и ухоженный. Начались городские кварталы, двух- и трехэтажные, не похожие на московские громадные, безликие и местами облезлые, но родные многоэтажки.

Семья Фортунато жила на западе Лондона в районе Чизик, который издавна населяли художники, музыканты, адвокаты. Дома здесь в основном старой постройки, с эркерами, большими окнами, просторные и известные в Англии как «семейные дома». Дом Фортунато на тихой улочке Ротшильд-Роуд был на две семьи, имел крошечный садик спереди и садик побольше позади. Этот садик позади дома, огороженный изгородью, и был местом отдыха для обитателей дома. Здесь было солнечно и уютно. Рядом с калиткой разросшаяся декоративная вишня с толстым стволом и ветками без листьев, необычно для этого времени года усыпанная розовым цветом.

– Это что, такая у вас зима? – спросил я батюшку, который ловко и молодо выскочил из машины.

– Вот, удивляйтесь и радуйтесь, но что вы скажете, когда увидите, что у нас есть удивительного в саду, – ответил он и постучал висящей медной колотушкой в голубую дверь. «Хорошо живется в Англии, – подумал я. – У них еще и сад есть».

Дверь растворилась, и на пороге появилась матушка Мариамна, которую я уже видел в России. Она не раз сопровождала отца Михаила в его регентских поездках по городам и весям нашей страны. Они оба останавливались в доме своей хорошей московской знакомой рядом с храмом Большое Вознесение⁴, Алины Сергеевны Логиновой, искусствоведа, одной из организаторов московского Музея частных коллекций. Из окна комнаты, где останавливался отец Михаил, был виден купол храма. Он вспоминал: «Живя здесь, я каждый день просыпался и молился, глядя на крест этого храма, думал о Пушкине, который венчался здесь, об Орлове, которого здесь отпевали, о своих родственниках, которые ходили молиться сюда. Fortunato жили и в Москве тоже, здесь до сих пор живут мои близкие. Одним словом, я здесь у себя дома. Хорошо! И владыка Антоний говорил мне, что он тоже любил прийти сюда, постоять рядом или зайти в соседнюю церковку, связанную с Суворовым. Владыка Антоний приезжал в Москву, когда эти храмы были еще закрыты. Последний раз он приехал проститься со своими родными Скрябиными в 1990-е годы и зашел сюда помолиться. Хорошее место».

Матушка Мариамна ездила с отцом Михаилом в Кузнецы – Свято-Никольский храм на Новокузнецкой улице, где располагается ПСТГУ⁵, с хором которого отец Михаил много и плодотворно работал, разучивал свои гармонизации, рассказывал о церковном пении, проводил службы. Но мне матушка Мариамна запомнилась так. Однажды, проводив их домой, я собирался уходить, и она неожиданно стала рассказывать о том, как они с отцом Михаилом вместе поют.

– Прошу вас, спойте хоть что-нибудь, самое короткое, – попросил я.

Они замолчали, переглянулись и запели «Богородице Дево, радуйся» греческого распева по-английски, затем повторили по-славянски. Во время пения, тихого, для себя, они смотрели друг на друга глазами, полными нежности. Сколько лет они вместе – тридцать пять, сорок? Бог дал им семейное счастье, возможную полноту совместного человеческого бытия, общих дел, забот. Жизнь обоих была целиком посвящена Церкви. Матушка Мариамна была иконоведом такого масштаба, что ее неоднократно приглашали университеты Оксфорда и Кембриджа читать курс лекций по иконе и церковному изобразительному искусству. Матушка являлась ученицей Л. А. Успенского⁶, писала иконы, в том числе для иконостаса лондонского собора. Ее иконы есть в приходах Лондона, Оксфорда, Кембриджа и других городов. В их лондонском доме была мастерская, множество специальных книг, художественных альбомов, слайдов – следов нескольких исследовательских поездок в Грецию, Италию, Югославию, Россию. Прихожане лондонского собора с благодарностью вспоминают циклы бесед об иконе, которые вела в течение многих лет матушка Мариамна Fortunato. Она очень красиво рассказывала своим низким грудным голосом, объясняла стилистику иконографии, при этом искренно удивлялась мастерству древних мастеров, их символике, языку, как будто сама впервые слышала об этом. Часто эти беседы-лекции выходили за рамки разговора о церковном искусстве и становились проповедью Православия, разговором с верующим человеком-другом. В этих беседах всегда принимал участие отец

Михаил. Он привозил из дома экран, диапроектор, коробки со слайдами и скромно переводил на русский язык рассказ своей многознающей супруги, стараясь оставаться в ее тени.

...Мы прошли в дом, началась приятная, без спешки, чередой вопросов-ответов, воспоминаний о московских встречах, об общих знакомых. Подошло время обеда. Матушка пригласила к столу в столовую-кухню на нижнем этаже, рядом с ее мастерской и выходом в садик-патио, который виднелся за приоткрытой дверью. «А, так вот, значит, тот самый сад, о котором говорил отец Михаил», – мелькнула мысль.

⁴ Храм Вознесения Господня у Никитских Ворот.

⁵ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

⁶ Успенский Леонид Александрович (1902–1987) – русский иконописец, богослов. С 1920 г. жил в эмиграции.

– Кстати, не хотите полюбоваться нашим садом, в котором матушка проводит утренние часы досуга, если он, конечно, есть у нее, – сказал отец Михаил.

Мы вышли в сад. Все его убранство составляли несколько кустов-деревьев, среди которых выделялась цветущая (!) камелия, и декоративный забор, увитый колючими розами. Матушка спросила меня: «Скажите мне, пожалуйста, почему именно роза была выбрана мною для садовой декорации? Думаете, для красоты? Не знаете? Тогда я вам отвечу сама: от воров!» – и весело рассмеялась.

Рядом с высоким каменным забором между домами проходит народная тропа, которой пользуются местные жители. Воров среди них нет, но есть воры проходящие, мигрирующие, которые время от времени «навещают» местное население. Дом отца Михаила несколько раз подвергался ограблению. Но вовсе «комичный» случай произошел с протоиереем Андреем Тетериным, который поселился в этом доме после отца Михаила. Вор залез ночью через маленькую форточку с улицы и выкрал все ценные вещи из комнаты, в которой спал священник, так и ничего не услышавший. Личное состояние вора увеличилось на ноутбук, фотоаппарат и мобильный телефон. Вот какие профессионалы бывают.

Интерьер Успенского кафедрального собора в Лондоне

Помолившись, мы сели за стол. Чувствуя мою языковую застенчивость и опаску, матушка Мариамна старалась задавать вопросы по-русски, долго подбирала слова. Для нее русский-язык ее отца, но не родной. Но потом все решили, что ради практики будет лучше для меня, если русский язык останется в запасе и я буду стараться говорить по-английски. День завершился многочасовым сидением с отцом Михаилом в его кабинете наверху, где стоял огромный старый письменный стол, до предела заваленный бумагами, где были книжные полки с изданиями богословских, исторических и музыкальных книг, которые отец Михаил собирал еще со времен своей парижской студенческой юности. Он рассказывал мне о своих текущих церковных делах, о подготовке очередного регентского семинара в России и ничего не говорил пока о моей предстоящей работе с хором собора. Была пятница, 9 января, завтра мы поедем в храм, завтра я увижу владыку Антония.

Десятое января 1998 года. Суббота. Воскресная всенощная. Отец Михаил привез меня на службу, с которой должна была начаться моя непосредственная подготовка к работе и знакомство с хором. Мы вошли в храм, тихий, немногочисленный, погруженный в тишину, которая была присуща общей атмосфере лондонского собора, была неким неотъемлемым его атрибутом. Как объяснил мне отец Михаил, тишина была необыкновенно дорога владыке. Он возвращал тишину в храме, воспитывал привычку к ней в прихожанах, он приучал к ней людей – и взрослых, и юных.

«Бог говорит человеку в тишине, ты должен быть сам погружен в молчание, и тогда в тебе заговорит Бог. Дай Ему место внутри себя, ведь Он видит и слышит твое сердце. Ты должен унять в себе все волнения и переживания, которые случились с тобой в течение дня, успокоиться настолько, чтобы Господь тихо вошел внутрь тебя и остался там уже навсегда. Понимаешь, как это важно для любого человека. Старайся больше пребывать в тишине» – так сказал мне владыка несколько дней спустя, когда мы сидели с ним в церковной лавке и разговаривали. Эти слова были сказаны тогда только мне одному, но они произносились сотни, а может, тысячи раз многим другим, всем тем, кто приходит в храм и забывает, что в храме пребывает Бог.

В храме была тишина. Приложившись к иконе, лежавшей на центральном аналое, мы с отцом Михаилом обошли храм. Он показывал мне некоторые образы, дорогие многим в лондонском храме, духовные реликвии русского собора Успения Божией Матери в Лондоне.

Икона Преподобного Сергия, икона преподобного Серафима с мощами и частичкой рубашки, в которой он был во время нападения разбойников, некоторые Богородичные иконы. Чувствовалось, что за иконами следят, они попали в храм давно, часто как семейные реликвии, с которыми расстаются только в особом случае, как посмертный дар храму.

Обойдя храм, мы поднялись на клирос, где уже начали собираться певчие хора. На клиросе было несколько человек: Аннамари де Виссер, помощница регента и уставщица, Лена Вилсон, Сарра Скиннер, Джейн Коллиндридж, все те певчие лондонского храма, без которых, по словам отца Михаила, не было бы хора. Он очень дорожил ими, берег. Между ним и певчими, как открылось мне потом, была настоящая христианская любовь и поддержка.

Познакомившись с помощниками отца Михаила, я естественно ощутил на себе некоторое повышенное внимание с их стороны, так как не был в тот момент просто гостем хора, а был их будущим учителем. Меня это обстоятельство несколько смущало, так как я уже давно знал отца

Михаила и как регента, и как священника, и как человека. Я вполне определенно и трезво осознавал, что совершенно не обладаю теми качествами, которые не только желательны, но и обязательны для каждого регента и педагога, а именно терпение, рассудительность, внимание к собеседнику, т. е. всеми теми качествами, которые, по моему мнению, были как раз в полноте дарованы отцу Михаилу. К тому же мое знание английского языка совсем не добавляло мне смелости. Что ж, положусь на волю Божию, решил я, встал на указанное мне место и приготовился к началу службы.

«Восстаните!» – произнес звонкий голос диакона, у которого голова и борода были окрашены в противоположные цвета: темные густые волосы головы резко контрастировали с седой бородой, такой же густой, в меру длинной и пышной. Это был диакон Иосиф Скиннер, муж Сарры, которая пела, читала, держала тексты для всего хора. Священники в алтаре возгласили начальное «Приидите...», и хор запел псалом. Пели неспешно, отец Михаил поглядывал вниз за кадящим в храме священником, соизмеряя с ним количество и последование стихов, которые следовало пропеть. Пели по-славянски, мягко, негромко, с явным, но не раздражающим слух акцентом, даже вызывая удивление качеством произношения церковных текстов. Служба потекла. Одно песнопение сменяло другое, чередовались богослужебные языки, церковные книги, на клиросе царило спокойствие и уверенность во всем. Центром спокойствия и уверенности был отец Михаил.

Где-то перед Шестопсалмием в алтаре появился белый клобук. Я сразу понял, что в алтарь вошел митрополит Антоний. Я поневоле стал раздваивать свое внимание, следя и за регентом на клиросе, и за владыкой в алтаре, которого было видно с нашего места на хорах. Окончился цикл хвалитных стихир, подошло время Великого славословия. Открылись Царские врата, и я увидел стоящего перед престолом владыку: «Слава Тебе, показавшему нам Свет», – в тишине раздался звонкий, глубокий и спокойный голос, который заполнил все пространство храма. Это был первый возглас владыки Антония, который он подал в продолжение службы. Его голос поразил меня своей красотой, тембром. В его голосе была внутренняя сила и мудрость.

Манера, с которой митрополит Антоний произносил слова молитв, возгласов, была свойственна только ему. Знакомые тексты молитв, читаемых и слышимых сотни раз, в его чтении или возгласении приобретали новую глубину и заново открываемый смысл. Хорошо помню, как в конце четверговых бесед, которые происходили в храме, владыка Антоний вставал со своего кресла, поворачивался лицом к алтарю и читал несколько вечерних молитв.

«Помилуй нас, Господи, помилуй нас, всякого бо ответа недоумеюще, сию Ти молитву яко Владыце грешнии приносим...» Каждое слово он произносил со значением, медленно. Каждое слово он адресовал Вечности

так, как будто во всякую минуту был готов предстать перед ней. Я много раз замечал потом, что отдельные строки молитвословий, которые я слышал у владыки Антония, начинали иногда звучать во мне так, будто я читаю их его голосом. Просто подражать его чтению было бессмысленно, так как этот голос озвучивал его мысль и молитву, а это уже было недоступно.

Хор начал петь славословие. Митрополит Антоний стоял перед престолом. Издали он казался величественным и даже как будто высоким. Я совершенно растерялся, потерял всякий внутренний контроль и ощущение места и времени. Я вдруг почувствовал льющиеся слезы, какие-то новые для себя, неведомо откуда взявшиеся. Я перестал петь, перестал смотреть на регента и певчих, я только видел стоящего вдалеке митрополита Антония, его белый клобук. Он не двигался, просто стоял перед престолом, смотрел куда-то перед собой, но весь его облик, все его существо излучало спокойствие молитвы, обращения к Богу, предстательства «за всех православных христиан».

Конец службы так и не дал мне успокоения. Хор допевал ектеньи, кто-то читал первый час, но для меня потрясение даже не увиденным, а почувствованным, внутренне пережитым было настолько сильным, что мне хотелось спрятаться от глаз, быть незаметным или вовсе уйти. Служба тем временем закончилась. Встретившись с отцом Михаилом внизу в храме, мы вышли из церкви и поехали домой в Чизик. Дорогой мы молчали. О чем было говорить, спрашивать? Я тихо переживал в себе случившееся, прямо скажем, непонятное для меня, нечто совершенно новое. Однако мои внутренние чувства смешивались с нарастающим волнением другого рода – завтра после службы весь хор останется для того, чтобы репетировать со мной, слушать меня, чему-то учиться. «Утро вечера мудренее», – решил я и, оказавшись дома, быстро лег спать...

Хор собора после спевки.

Во втором ряду в центре регент протоиерей Михаил Фортунато с супругой Мариамной. Лондон, 1998 г.

Десятое января, воскресенье. Утром мы с отцом Михаилом поехали в собор. Улицы были безлюдны, машин немного, и мы быстро подъехали к храму. Было всегда интересно наблюдать, как отец Михаил лихо заезжал в «карман» – небольшую площадку справа от собора, рассчитанную на две машины. Но гораздо занятнее было смотреть, как он выезжал. Это было виртуозно, как бы между прочим, не составляло ему ровно никакого труда. Совершая маневры, отец Михаил разговаривал, шутил, лишь изредка поглядывая в боковые зеркала, контролируя ход машины. «Никогда бы я не смог так выворачивать», – думал я всякий раз, восхищаясь водительским мастерством пожилого священника.

Воскресенье – день особый. Церковная служба – это главное событие дня, но для многих прихожан и соборных певчих, которые много лет знают друг друга, это еще и день встреч, общения. Хор был отражением многонационального состава прихода. Англичане, русские, украинцы, немцы, финны, голландцы и даже японцы – кого здесь только не было. Это был интернациональный хор, такой же, как и сам приход, многоязычный, но имевший что-то общее внутри себя: доброе, вежливое, деликатное и внимательное к новичкам.

Литургия началась без чтения часов, а сразу с возгласа «Благословенно Царство...». Я снова отметил про себя, что все время до начала службы в храме было тихо. Народ прибывал, но шума, разговоров внутри храма не было. Люди писали записки, ставили свечи, молча молились перед иконами, и бесед никто не вел. Так же было и на клиросе. Тихие приветствия друг другу, молчаливое приготовление нот, текстов.

Владыка Антоний служил иерейским чином. Рядом с ним был другой владыка, как я потом узнал, архиепископ Керченский Анатолий. От всего происходящего веяло каким-то тихим спокойствием, скромностью, простотой и вместе с этим стариной, как-то утерянной и ушедшей из российских храмов. В соборе было человек сто или чуть больше, молящиеся стояли на своих местах, по храму никто не ходил. Служба шла как обычно.

Хор под рукой отца Михаила пел уверенно, слаженно, осмысленно проговаривал литургические тексты на обоих языках, и мне невольно подумалось, а чему, собственно, я буду их учить? Что нового и важного я готов преподать певчим, клиросный опыт которых, по-видимому, превосходил мой собственный церковный и певческий опыт? Однако было уже поздно рассуждать, надо было настраиваться на работу, думать о репетиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.